

Великий опыт

Александр Моисеевич Атабемян

1919

Неоспоримая заслуга большевиков, — товарищи, склонные безоговорочно критиковать их деятельность, не должны этого упускать из виду, — это то, что они вложили практическое содержание в теорию государственного социализма, произвели «великий опыт» во всерусском масштабе.

Что такой «опыт» был возможен в испытываемых нами формах только в стране классического абсолютизма, в бывшей вотчине Романовых, и каких он стоил и продолжает стоять жертв и страданий народу, — это иной вопрос.

Своим «опытом» большевики показали на деле все отталкивающие свойства, всю несостоятельность, доходящую порой до нелепости, государственной власти, взявшей на себя задачу облагодетельствовать трудящихся, т.е. всю массу населения, преимуществами социализма по своей партийной программе.

Мировая война расшатала основу капиталистических порядков — частную собственность. Своими обширными разрушениями, явными произвольными захватами, или под видом реквизиций, она поколебала в сознании народных масс уважение к святости и неприкосновенности частной собственности. Большевизм же в корне убивает веру в чудодейственное призвание государственной власти, даже претендующей выражать волю трудовых масс и проводить осуществление их благосостояния.

Большевизм изо дня в день, шаг за шагом доказывает, что государственная власть имеет свои неустранимые свойства; она может менять свой ярлык, свою «теорию» и своих слуг, но по существу она остается властью, деспотизмом, и воскрешает старую суть власти в новых образах.

Теорию власти «божьей милостью» сменила власть «народной волей». Последнюю большевизм вытеснил «диктатурой пролетариата», сводящейся на практике — ни для кого это не тайна, — к диктатуре одной партии, ничтожного меньшинства¹, применяющего во всерусском масштабе свой «просвещенный деспотизм» к народным массам.

Решимость в проведении своей воли, отсутствие вдумчивой критики, свойственное затемненным властью умам и прямолинейным фанатикам, нравственная безза-

¹ Во всей Московской области правящая партия насчитывает менее 3000 человек, из них едва 7 процентов старых партийных работников.

ботность по отношению к последствиям своих действий, — вот характерные свойства большевизма.

Большевики взялись на деле установить социализм при помощи аппарата власти. Не стану входить в легкую критику «маленьких недостатков механизма», — хотя эти недостатки настолько многочисленны, что делают негодной всю машину, — рассмотрим основные области «великого опыта»: производство, товарообмен, распределение продуктов и общественно-политические порядки.

* * *

Государственная власть задалась целью руководить всем производством страны. Для этого она произвела ряд национализаций.

Национализация собственности сводится попросту к ее захвату государственной властью, не считаясь не только с бывшими владельцами, но и с рабочими заводов, фабрик, мастерских или с жильцами домов.

Предержатели власти всегда и во все времена стремились к скоплению государственной собственности для закрепления своего могущества.

Государственная собственность так же стара, как и сама государственность.

То, что отличает большевистскую национализацию, — это широкие размеры ее применения во имя блага трудовых масс.

Какие же преимущества получают трудящиеся от такой национализации? Какая выгода для рабочего от того, что труд его покупает государство, вместо частного хозяина или правления какой-либо акционерной компании?

Получают ли рабочие в свое распоряжение производительный капитал? Могут ли они свободно проявить свои познания, опыт и почин в деле производства, и тем поднять свое благосостояние?..

Власть имеет свою природу и особое свойство: она не любит деятелей, она неизбежно стремится к нейтрализации, к сосредоточению полноты воли в своих руках.

В деле производства мы видим, что планы Высшего Совета Народного Хозяйства являются незыблемыми рамками, железными тисками в ходе производства, из которого все более и более устраняется сам рабочий, все слабее становится его влияние на собственное хозяйственное развитие.

В «великом опыте» наемный труд — салиариат — по существу своему не изменился. От того, что пролетарий продает свой труд государству, он не перестает быть пролетарием.

Государственная власть бессильна обеспечить право на труд, — на работу и заработок; она практически не поставила даже этой задачи и только развила биржи труда, это характерное наследие капиталистических порядков.

А ведь осуществление социализма должно начаться именно с упразднения искателей работы, продавцов рабочих рук. Без уничтожения института салиариата, — пролетариев, продающих свою рабочую силу, — не может быть речи о практическом осуществлении социализма. Опыт, который производится над Россией, лишен основного признака социализма.

² Изуродовав свободное развитие всей нашей жизни, большевизм не пощадил и русского языка. Он ввел в повседневный обиход варварские слова и обороты, заимствованные по своему построению из военно-боевой техники.

Высший Совет Народного Хозяйства призван в большевистском общественном строе направлять все производство страны «по заранее выработанному согласованному плану». Но из кого же состоит Совнархоз²?

Из смертных людей, конечно. Из людей, ограниченных в своих знаниях, способностях и опыте; — из людей, решающих спорные и сомнительные вопросы механическим голосованием. Истина определяется числом поднятых рук. Мнению Галилея, настаивающему: «А все-таки земля вертится», — нет места в Совнархозе! Грибоедов забыт: люди из Совнархоза могут давать законы, затрагивающие самые основы нашей жизни, и не ошибаться.

Для них, для вождей большевизма, человеческое общество не сложное живое целое, с едва початым изучением его свойств и законов развития, а механическая постройка.

И они проделывают над ним опыты «во всероссийском масштабе».

Знахари проявляют большее понимание свойств природы, сложности жизни.

В результате — рабочий голодает, безработный слоняется за трудом, социальное обеспечение сводится к словам без содержания, нищенство процветает, несмотря на его упразднение декретом. Вместо социализма получился государственный капитализм со всеми отрицательными свойствами и проявлениями частновладельческого капитализма.

Хуже того. С буржуазным капитализмом была возможна борьба; государство-хозяин сокрушает всякое сопротивление, всякий протест против своей воли и прихоти.

Так обстоит дело производства в рабоче-крестьянской республике.

* * *

Перейдем к рассмотрению товарообмена.

О внешнем товарообмене говорить не приходится. Хотя декретом Совнаркома внешняя торговля национализирована, т.е. монополизирована государственной властью, но пока что, вследствие общих практических условий, внешней торговли не существует.

О том, как справились бы наемные чиновники социалистической власти с задачей количественного и качественного определения бесчисленных продуктов народного и промышленного потребления, со своевременной их закупкой и доставкой на места, с заботой об их хранении, особенно легко портящихся товаров, до времени распределения, можно только гадать, — и гадать едва ли в оптимистическом для социалистической бюрократии направлении.

О внутреннем товарообмене можно говорить уже на основании прямых данных.

Внутренняя торговля тоже национализирована, и эта мера постепенно проводится в жизнь, начиная с предметов первой необходимости и широкого потребления.

Государственная власть взяла на себя заботу добывать для населения все необходимые продукты и распределять их по потребностям каждого.

Дело с приобретением предметов крупного фабричного производства — особенно после национализации многих из них, т.е. с их переходом в руки государства-хозяина, — сравнительно упрощено. Правительственная власть берет все выработанные ими товары на учет и распоряжается ими.

Иначе обстоит дело с продуктами крестьянского хозяйства и мелкой промышленности.

Каковы размеры последних, даже в западно-европейских странах, их устойчивость в конкуренции с крупной промышленностью и земледелием, и часто их превосходство перед некоторыми отраслями крупного производства, можно судить по обстоятельным изысканиям П.А. Кропоткина в его труде «Поля, фабрики и мастерские». Общее количество продуктов мелкого производства и земледелия, особенно в крестьянской России, во много раз превосходит количество фабрикатов крупной промышленности. Тут попытки к учету наталкиваются на такие непреодолимые технические и общественно-психологические препятствия, что социалистическая власть, после ряда бесплодных попыток, вынуждена была отказаться от систематического учета, особенно в деревне, и ограничивается, наподобие прежних режимов, поддержанием монополии на некоторые предметы первой необходимости.

Таким образом, теория государственного социализма, берущего на учет всё производство страны и регулирующего товарообмен (для равномерного распределения продуктов), разбивается о действительность.

Мнимая научная теория оказалась утопией. То, что можно было предусмотреть, на что давно указывал Кропоткин, большевики проверили своим «великим опытом», кровью и насилиями, на живом теле народа.

Власти не присуще признавать свои ошибки, свое бессилие и добровольно уйти. Она упорствует в своих заблуждениях. Для оправдания социалистического смысла своего существования большевистская власть установила так называемые «заградительные отряды». Не гнушаясь приемами и средствами, она стремится косвенным путем упразднить частный и даже коллективный (кооперативный) сбыт жизненных продуктов и заставить производителей сдавать их правительству.

В XX-м веке социалистическая власть воскресила средневековые феодальные рогатки для товарообмена. «Заградительные отряды» вас обстреливают, обыскивают и обируют не хуже прислужников феодалов. И это называется проведением социализма в жизнь!

И все-таки власть не достигает цели. Товарообмен, без которого не может существовать культурное общество, уходит в подполье, дробится в форме мешочничества, мельчает на рынках, жизненные продукты дорожают до крайних пределов и исчезают из потребления прежде всего тех самых беднейших слоев населения, которых социалистическая власть взялась облагодетельствовать.

В погоне за химерой — заменить жизнь своей теорией, общественную самостоятельность — декретами, приводимыми в исполнение чиновничеством, — власть, между требованиями действительности и велениями теории, все время колеблется. То она разрешает «1½-» закупки, то организует рабочие продовольственные отряды — «крестовые походы» в деревню за хлебом, затем упраздняет их, то усиливает заградительные отряды, то ослабляет их и разрешает провоз некоторого количества нормированных (монополизированных) продуктов и снимает ограничения для остальных.

В результате, внутренний товарообмен все-таки не налаживается, города лишены продуктов земледелия, а деревня — фабрикатов.

Правильный социалистический товарообмен терпит неудачу не потому, что он невозможен, а потому, что его нельзя осуществить государственным, чиновничьим путем, а лишь объединением самих производителей, кооперацией.

И в этом один из ценных уроков «великого опыта», производимого государственными социалистами-большевиками над полуразоренной деревней и пустеющими городами России.

* * *

Начало государственного социализма в деле производства и товарообмена терпит неудачу вследствие расхождения теории с действительностью. Практически оно свелось к расширению существовавшей во все времена государственной собственности и к установлению ряда государственных монополий, процветающих в капиталистических странах, наподобие винной монополии, осуществленной в монархической России.

Ни то, ни другое никто не назовет социализмом.

Быть может, социалистическая природа нового режима проявляется в задачах распределения предметов потребления?

Не станем останавливаться на технике распределения. Ее приемы были выработаны за время мировой войны правительственными органами в Западной Европе и общественными организациями у нас в России (преимущественно Всероссийским Земским и Городским Союдами). Применение техники может быть улучшено, ее приемы — усовершенствованы, это — вопрос времени и опыта.

Разберем самое начало, легшее в основу распределения, и как оно проводится в жизнь.

Распределение называется классовым. Социалисты, делившие всегда общество на два разграниченных класса, на бедных и богатых, на трудящихся и эксплуататоров, решили установить преимущество первых над вторыми.

Нужно заметить, что в «великом социалистическом опыте» трудовое крестьянство почти совершенно изъято из планов распределения продуктов, даже фабрикатов промышленности. Это не мешает все-таки называть захваты разных промышленных предприятий государственной властью «национализацией». Как будто крестьянство, составляющее главную массу населения страны, не равноправная часть «нации». В «рабоче-крестьянской республике» диктаторствующий пролетариат обходит «беднейшее крестьянство». Таким образом, распределение продуктов производится почти исключительно в городах, где сосредоточено рабочее население, и оно проводится по классовому признаку.

Но после того, как в стране вся крупная промышленность и торговля национализированы, или взяты под контроль и на учет, — в стране, где все банковские учреждения захвачены государством и крупные ценности секвестрированы, дома и другие недвижимости «муниципализированы», где бывшие помещики не получают ни одного гроша аренды за землю, — может ли быть поставлен вопрос о богатых паразитах, как о классе?

Демагогическая фраза о классовом пайке бьет по пустому месту.

Классовый паек — пыль, бросаемая партией, цепляющейся за власть, в глаза рабочим. Иначе, почему члены семейств самих рабочих изъяты из преимуществ высших категорий?

На деле под классовым ярлыком стараются провести физиологические категории. Высшими пайками пользуются не все рабочие безразлично, а трудящиеся профессий, требующих наибольшие физические усилия, следовательно, наибольшую затрату живой энергии. Члены же семейств этих самых рабочих (за исключением матерей, обслуживающих лично многочисленную семью) приравниваются к разряду «нетрудовых элементов».

Все дети без различия происхождения пользуются особыми паечными преимуществами, равно как и матери-кормилицы.

Беременные женщины всех категорий переведены в первую.

Больные, без классовых разделений, могут получать по назначению врачей дополнительные пищевые продукты.

Все это делает, конечно, честь «гуманности» продовольственных органов, но почему эта гуманность не должна открыто распространяться на каждое человеческое существо?

Неужели это так страшно для целостности и чистоты «социалистической этики»?

Или для народного обихода нужна лесть грубым эгоистичным инстинктам темных масс?..

Лживая постановка под классовый ярлык дела распределения продуктов, понятно, уродует и попытки провести физиологические нормы; она создает лишь плодородную почву для расцвета всяких несправедливостей, хищений и злоупотреблений.

Но основной дефект коммунистического (?) распределения вытекает из крушения «великого опыта» в задачах производства и товарообмена. Население городов не получает от социалистических властей и минимальной физиологической нормы для влачения хотя бы полуголодного существования.

Если население городов окончательно не вымерло, то только потому, что одна часть укрылась из сферы воздействия «великого опыта» — разбрелась по деревням; другая — разоряется материально и принижается морально, чтобы протянуть свое полуголодное существование до «лучших дней».

Перейдем к рассмотрению общественно-политических порядков.

Большевики называют созданное ими государство — федеративной республикой.

Федерация означает добровольный союз самостоятельных единиц, будь то государства, группы людей или даже отдельные личности. Каждая единица, вступающая в федерацию, сохраняет за собой право расторгнуть союзный договор, коль скоро он перестает соответствовать ее потребностям, стремлениям и желаниям, и выйти из союза.

Типичными примерами федераций личностей являются в общественно-политическом отношении — профессиональные союзы, или синдикаты; в хозяйственном — кооперативы. Каждый член может в любое время выйти из синдиката или кооператива. Уставы или союзные (федеральные) договоры этих объединений личностей обыкновенно ясно оговаривают и предусматривают условия этого выхода. Лица, приобретшие таким образом свою первоначальную самостоятельность, могут вступить в новые союзы со своими единомышленниками. Даже не выходя из союзов, члены их имеют возможность образовать новые союзы для удовлетворения иных потребностей и стремлений.

Свободный договор и возможность расторгнуть его — вот основные признаки федерализма.

Федеративное начало применимо и к государственным единицам. Так возникли из самостоятельных кантонов и штатов Швейцарская Конфедерация и Северо-Американские Соединенные Штаты. Но основное свойство современных государств — принуждение власти — с течением времени берет верх над федеративным началом, свободный договор превращается постепенно в мертвую букву, централизация и принуждения союзной власти искажают свободный характер договора и первоначально вольный союз вырождается в более или менее централизованное государство. Союзное управление превращается в союзное правительство, со стремлением сосредоточить в своих руках полноту власти и по мере возможности распространить ее.

Государственные федерации, чтобы иметь основание носить это название, должны хотя бы в исторический момент своего зарождения исходить из свободного договора.

Можно ли назвать поэтому большевистскую Россию федеральной республикой?

Очевидно, нет. Нынешнее правительство Великороссии — прямой преемник аппарата централизованной власти Временного Правительства и монархического строя, а не федеративного происхождения. Большевистская партия еще более усилила сосредоточение правительственной власти, расширением ее влияния на хозяйственную жизнь страны.

Старый империализм с мировыми вожделениями под новыми лозунгами — вот что представляет политический строй большевистской России.

В своем «великом опыте» правящая партия не сочла нужным даже инсценировать исторический момент заложения государственной федерации.

Единственный союзный акт, составленный уже после объявления центральной России федеративным государством, это — договор, заключенный с... башкирским временным правительством, но и этот договор носит явный характер условий, продиктованных сильным слабому, чем свободного договора двух равных в правах сторон.

Преемница старой централизованной власти, большевистская власть воскресила под новыми названиями и формами никудышные учреждения самодержавной России.

Милитаризм в полном расцвете: овальная кокарда заменена звездой, но восстановлены принудительный набор, дисциплинарные наказания и военные суды, налагающие кары вплоть до расстрелов; спутницы военщины — внешние войны и внутренние карательные экспедиции — в полном разгаре.

Нет больше Государственной Думы, но созываются Съезды Советов, а на местах... Советы разгоняются центральной властью по представлению новых всемогущих «сфер» — партийных комитетов и ячеек.

Нет больше цензуры, но без разрешения «комиссара печати» ничего не выпустят из типографии.

Свобода сходов, собраний, манифестаций, союзов, стачек, неприкосновенность личности и домашнего очага — все то, за что распинались до захвата власти, стало «буржуазным предрассудком».

Третье Отделение полиции процветает со всеми своими атрибутами под названием Чрезвычайных Комиссий; правительственный террор доведен до африканских нравов — расстрела заложников...

«Сперва закрепление завоеваний (?) революции, затем свобода», — «сперва успокоение, затем реформы», — так рассуждали и рассуждают Столыпины всех времен. То, что для них важно, это — удержать одурманивающую власть в своих руках, не разбираясь в средствах.

Социалисты-государственники всегда нас уверяли, что их власть не будет угнетать личность; это будет управление вещами вместо управления людьми.

Своим «великим опытом» большевики на деле показали, как это управляют вещами, не стесняя свободы.

По их теории, в социалистическом государстве все трудящиеся должны быть равны и свободны в политических и экономических правах. На практике политические свободы вылились в еще больший разгул правительственной власти над самими рабочими и их организациями, чем в капиталистических демократических странах. Власть, облачившись в обманчивые «рабоче-крестьянские» ризы, позволяет себе по отношению к трудящимся неслыханные насилия, напоминающие худшие времена царского режима. Разгон Всероссийского Профессионального Союза учителей и конфискация его имущества, преследования союза печатников, требование от комитетов профессиональных союзов сообщать, под страхом ответственности, партийную принадлежность членов, а если беспартийный, то обязательно заявление, кому сочувствует, крутые расправы с рабочими даже за мирные забастовки, убничтожение стачечного фонда, удушение всякого, даже сдержанно-оппозиционного свободного слова и принуждение населения к чтению в течение долгих месяцев исключительно демагогических выкриков казенной и репильной (партийной) печати со специфическим освещением мировых событий, и тысячи иных примеров — тому свидетели.

Произвол и насилия присущи всякой власти, не встречающей достаточного отпора в населении. Большевики только доказали на опыте, что социалистическая власть не составляет исключения.

В социалистическом государстве к политическим цепям прибавились и хозяйственные.

Без материальной возможности печатать и распространять произведения печати, хотя бы чисто культурно-просветительного характера, нельзя воспользоваться и относительной свободой слова, которой не была лишена печать и при самодержавных порядках. Теперь разные органы «народного хозяйства» ведают производством бумаги, распределением его запасов, книжными магазинами и газетным агентством. В результате вся независимая литература замерла, в то время, как официальная и официозная печать и казенные министерские издания заполонили весь спрос и губят, принижают и извращают интерес к литературе. Никакая власть не может быть абстрактной и беспристрастной: «национализировав» производство и распределение, власть, естественно, предоставляет все преимущества своей партии, обходя права подавляющей массы того самого рабочего и крестьянского населения, именем которых она завладела аппаратом правления.

Так осуществила коммунистическая власть управление вещами в деле распределения духовной пищи «по потребностям каждого» — из казенного котла.

Социалистическая власть проводит новую орфографию. Она не проповедует, не убеждает и не стесняет вашу личную свободу. Пишите для себя, как хотите. Но ни одна из управляемых типографий не посмеет набрать ваши писания не по новой орфографии. А завтра и не будут в состоянии это сделать, т.к. прекратится отливка несчастных, быть может, мало полезных «ѣ», «ъ» и «і», но все же имеющих своих защитников, не без заслуживающих внимания доводов.

Власть национализировала (или «муниципализировала») жилые помещения. Пользуйтесь беспрепятственно, — за наемную плату, конечно, — занимаемой вами квартирой. Но если какой-либо орган власти облюбовал ваше жилище, то вас выселят без долгих разговоров, даже если вы самый что ни на есть «трудовой элемент первой категории».

У вас удобная квартира, т.е. не вся ваша семья скучилась в одной комнате. Власти же нужно распахать массу выселяемых. И она устанавливает произвольные «нормы» и вселяет в вашу квартиру, помимо вашей воли, в самый ваш «неприкосновенный домашний очаг», чуждых вам и неизвестных самой власти людей, не по вашему выбору и соглашению, а... по очереди. Если завтра жилец вас оберёт, обидит членов вашей семьи, обесчестит вашу дочь, то власть тут ни при чем: она управляет вещами, а не свободными людьми.

Вы выбились из сил, не поспеваете за ростом дороговизны, не заплатили вовремя наем. Квартальное управление вашего комиссариата (заведены и таковые вместо домовых комитетов) пишет соответствующую бумагу в жилищный отдел Совдепа, и, без расследования и разбора, не опросив даже вас, самый подлинный судебный пристав старой закваски под коммунистическим ярлыком приходит описывать ваше имущество, предметы вашего личного обихода.

Власть и хозяин слились вместе, интерес у них один, приемы управления упрощаются, а человеческая личность... свободна: управляют недвижимостями, а не людьми.

У вас отрезок материи, приобретенный по карточке, ваши собственные дети обносились в деревне; вы не можете им отправить ни одного аршина, почта не примет. Власть управляет вещами, товарообменом, а не людьми: они свободны.

Без предварительной прописки в полицейском участке — в комиссариате, без российского традиционного паспорта, коммунистические власти вам не выдадут продовольственной карточки.

И так во всем.

«Великий опыт» на практике показал, что хозяйственное управление государственной власти не может не превратиться по самой своей технике в наихудший гнет, напоминающий собой крепостные порядки.

В этом доказательстве путем наглядного опыта немалая историческая заслуга большевиков.

Государство, в роли крепостника, вмешивается во всю хозяйственную и частную жизнь населения. Отсюда и те многочисленные «обязательные постановления» и «трудовые повинности», которые затрагивают широкие народные массы, не исключая и женщин.

Идеал социализма — свободный и привлекательный труд — государственные социалисты превратили в принудительную повинность.

Так при самодержавии существовала «дорожная повинность», когда крестьян выгоняли на постройку дорог. Государственный социализм воскрешает и расширяет старую систему.

В наши дни государство перестало быть, по определению Кропоткина, «союзом взаимного страхования между помещиком, попом, солдатом и судьей». Тем не менее клеймо атавизма тяготеет над всякой государственной властью.

Партийная власть, неправильно называемая классовою, воспроизводит старые формы управления в подробностях, доходящих порой до смешного.

Партийные круги большевиков заменили монархические «сферы» старого режима. Вместо «салонов» процветают партийные «клубы».

Учреждения, площади, улицы, поезда и т.д. имени царских особ заменены партийными: имени Ленина, памяти Володарского, Веры Бонч-Бруевич, Свердлова и других.

А принудительная реформа орфографии не напоминает ли по грубости приемов стрижку бород Петром I-ым?

То смешное помпадурство, то зловещая аракеевщина — вот в какие формы выливается государственный социализм.

И это неизбежно. В этом виновны не большевики, а сама система по своему построению и происхождению.

Формы и приемы государственного социализма порождены мировой войной.

Партии государственных социалистов, по способам своих действий, — прямые преемницы военных партий, обрушивших мировое бедствие — мировую войну — на человечество.

Одни и те же приемы насилий и утрашений у тех и у других для удержания в повиновении народных масс; те же демагогические лозунги общего блага и высоких целей для усыпления в человеке здравого смысла и естественных инстинктов.

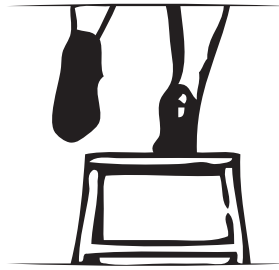
Волна государственного социализма, как и вспышка мировой войны, захлестывает запад с востока. Где бы она ни остановилась, как бы ни ширилась, но на внешних и междуусобных войнах, карательных экспедициях и хозяйственном гнете не обособить партиям государственного социализма своего благополучия, как не смогли укрепиться на военных насилиях и экономической эксплуатации буржуазные партии.

Анализ «великого опыта» показывает, что он заранее обречен на гибель.

И если революционные брожения с их разрушениями все же ведут к обновлению общества, то на смену принудительному государственному социализму — этой апогее частного капитализма — должны прийти новые порядки, основанные на свободном федерализме: на федерации личностей в профессиональных союзах в общественно-политическом отношении, и в кооперативах — в хозяйственном.

Принудительный государственный строй должен уступить место свободным профессиональным и кооперативным объединениям, спаянным в одно целое — в общество свободных и равных людей — той отраслью общественной психологии, которая называется этикой.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Великий опыт
1919

Сохранено 23 июля 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/B/10.htm>
Ал. Атабекян. Великий опыт. М.: Почин, 1919. 16 с.

ru.theanarchistlibrary.org